
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Э. С. КУЛЬПИН

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. ДВА СУБЭТНОСА

При Петре I завершилось сложение основных ценностей российской цивилизации. Они превратились в неосознаваемое в целостном виде, но императивно действующее ядро цивилизационного культурного проекта, того эталона, который с тех и до сих пор неосознаваемо пытается воплотить в жизнь российское общество. При этом беспрецедентные реформы не создали условий для развития всего общества, не изменили смысла традиционного социального договора, а лишь конкретизировали его так, чтобы он отвечал интересам всех слоев общества в специфических условиях того времени – тотальной, по сути, отечественной войны.

В России при Петре I завершился начавшийся с Ивана III процесс формирования цивилизационного ядра – системы основных ценностей российского общества. Имея эту основу, своеобразный аналог ДНК, «организм», называемый российской цивилизацией, должен был жить, воспроизводя себя согласно заложенной программе. Не вдаваясь в рассмотрение, насколько общественный организм отличается от биологического, попробуем выяснить, насколько он был способен воспроизводить себя.

При Петре I вышеназванный «организм» получил форму и содержание, приобрел цели и задачи, инструменты их достижения – социальную структуру сословий с их правами и обязанностями и систему управления. Главный вопрос здесь – мог ли этот организм

сохранить свою организацию в *мирное время*? Критерием «здоровой жизнеспособности» можно считать достижение социального согласия, сбалансированности прав и обязанностей отдельных социальных слоев, согласия их на сложившееся распределение прав и обязанностей, что в целом свидетельствует о консолидации общества. Можно ли говорить о достижении *социального согласия* и консолидации общества в эпоху Петра? Если согласие было достигнуто в то время, то *созданы ли механизмы его дальнейшего сохранения*? Иными словами, ожидали ли социальный организм естественные болезни роста или разрушительные болезни?

Ответ на первый вопрос не является бесспорным. Наиболее четкий отрицательный ответ дан Б. Н. Мироновым¹. По его мнению, не прямо, но косвенно вытекающему из его анализа, всеобщая крепостная зависимость населения от государства (государственное крепостничество) и социальное согласие – явления несовместные. Крепостное право, которым были охвачены *все* слои населения, постулирует ученый, – это совокупность юридических норм, закреплявших личную зависимость человека от его господина, лишение человека большей части личных прав, а также права владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, другими словами, быть субъектом гражданского права. Ключевым моментом отсутствия социального согласия в российском обществе, по его мнению, в ту эпоху было несоответствие между правами и обязанностями дворянства. Это несоответствие объективно сделало ведущую силу общества – дворянство – наиболее ущемленной социальной стратой. Ученый утверждает, что в начале XVIII в. дворянство обладало всеми признаками государственного крепостного состояния (Миронов 1999, т. 1: 361–362).

Жизнь дворянина была жизнью военного, причем не офицера, а солдата на вечной службе. Б. Н. Миронов подробно описывает основные тяготы жизни дворянина: «Все дворяне были обязаны не-

¹ Б. Н. Миронов является автором фундаментального исследования эволюции России XVIII–XX вв. Это исследование, осуществленное в последние годы, будучи в большинстве случаев исчерпывающим с точки зрения привлечения к анализу фактического материала, позволяет ссылаться на его анализ и источниковедческую базу, не прибегая к самостоятельному анализу первичного материала и осуществляя таковой лишь в отдельных случаях. Однако далеко не со всеми выводами ученого можно согласиться.

сти государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет и непременно с самого низшего ранга, в армии – с солдата. Служба была бессрочной – до болезни или смерти. Две трети членов каждой фамилии должны были состоять на военной службе, одна треть – на гражданской... Каждый дворянин был приписан к полку или государственному учреждению, где он проходил службу. Тяжесть службы порождала массовое укрывательство дворян от явки на службу и смотры, так называемое *нетство*, с которым правительство боролось с помощью жестоких кар, начиная со штрафов и телесных наказаний и кончая конфискацией имущества и “шельмованием” – лишением всех прав состояния. Например, в 1711 г. 53 офицера, не явившиеся после отпуска в полк в Киевской губернии, были лишены поместий, а их жены с детьми были выселены из имений. По указу 1720 г. дворянам, уклоняющимся от службы, грозили наказание кнутом, вырывание ноздрей и вечная каторга. Военная служба была настолько тяжелой, что некоторые дворяне предпочитали записываться в купцы или даже в крестьяне, чтобы только от нее избавиться. По воле государя любой дворянин был обязан изменить место жительства, и это право Петр I при надобности использовал, например, при заселении Петербурга, когда десятки дворянских фамилий были вынуждены переселиться из родных мест на отведенные им участки земли с обязательством в указанный срок построить усадьбу. Дворяне не освобождались и от телесного наказания и терпели розги, палки и плети наравне с “подлыми людьми”... Петр I пытал и казнил заговорщиков тысячами, взяточников – десятками, невзирая на чины, титулы и богатство, часто без суда, по личному усмотрению» (Миронов 1999, т. 1: 362). С 1722 г. были введены обязательные паспорта (проезжие грамоты, покормежные, или пропускные, письма) для всякого лица, отлучающегося с места постоянного жительства. Поскольку передвигались в основном дворяне, то это означало, что каждый шаг дворянина, сиречь государственного служащего, контролировался властями.

Если принять во внимание аргументацию Миронова и перейти в иную систему координат, то необходимо констатировать следующее. На дворянство была возложена обязанность осуществле-

ния ускоренной модернизации². И эта обязанность, по мнению ученого, была не столько привилегией, сколько наказанием. Иными словами, социальный договор по отношению к дворянству не был справедливым. С точки зрения трудовых отношений, а они, хотя, естественно, не только они, лежат в основе социального договора, по отношению к дворянству был нарушен принцип эквивалента: оплата труда не соответствовала его количеству и качеству.

Как известно, оплата труда дворян складывалась из сословных привилегий и двух экономических составляющих: прямая оплата от государства в зависимости от занимаемой должности и доход от поместий и вотчин. При существовании различий между поместьем и вотчиной их объединяло то, что они не были собственностью владельцев (Миронов использует термин «неполная собственность»). Дворяне имели не права собственности, а пользовались правом владения. До середины XVIII в. в русском законодательстве вообще отсутствовало понятие собственность. Миронов пишет: «Говоря строго юридически, помещики продавали, передавали по наследству, меняли и т. п. лишь право пользования своим имуществом» (Миронов 1999, т. 1: 362). До Петра I землю и крестьян можно было передавать всем наследникам владельца. Петр I «Указом о единонаследии» ограничил возможность передачи наследства одним наследником мужского пола, поставив остальных перед необходимостью добывать свой «хлеб насущный» практически единственным способом – за счет службы государству. В целом, как следует из аргументации ученого, оплата труда дворян была ниже стоимости его количества и качества.

В условиях свободного рынка устранение перекосов в оплате труда решается «голосованием ногами». Люди уходят к другому работодателю в той же стране или за ее пределами, что в целом ведет к выравниванию оплаты труда. В условиях тогдашней России с ее ограниченными возможностями эмиграции, закрепощением

² Востоковеду нельзя не отметить удивительную похожесть, вплоть до совпадения деталей, петровских и японских реформ при становлении японской государственности с середины VII в. н. э. (см.: История Японии 1999: 86–137). При этом реформы в Японии приближали ее не к Европе, а к традиционному Китаю.

всего населения, распределением труда по сословиям «голосование ногами» – это свобода перехода из одного сословия в другое. Дворянское сословие при Петре I было открытым на вход и выход. Как упоминалось, имели место как выходы из сословия, хотя они были единичными, так и вхождение, которое было массовым. Из свободы входа и выхода и из того, что численность дворянства при Петре удвоилась, можно сделать определенный вывод: дворянство, особенно если учесть его сословные привилегии, не было социальной стратой общества, ущемленной в оплате труда.

Однако не только в справедливой оплате труда можно видеть причину удвоения дворянства, а также в значимости, весомости той общественной функции, которую выполняло дворянство, – руководство в деле модернизации, что делало естественной, законной его власть над другими сословиями, власть над людьми. Эта власть, делегированная государством сословию, осуществлялась в специфических военных условиях, когда каждый военачальник одновременно «слуга – царю, отец – солдатам». Не будешь слугой царю – не станешь командиром, не будешь отцом солдатам – получишь в бою пулю в спину. В целом во время войны отношение государства к обществу контролируется не только (а иногда не столько) институтами самого общества, сколько необходимостью государства искать приемлемых для общества решений перед лицом внешней угрозы. Иными словами, **система ценностей российской цивилизации в том виде, в каком она сохраняется до сих пор, сложилась в условиях войны, когда государство, находящееся в вечном противостоянии с обществом, имело над собой не только внутренний контроль общества, но и внешний – со стороны врага.** Если общество отворачивается от государства в условиях войны, государство гибнет. Внешний контроль вынуждает государство осуществлять насилие в том пределе, которое общество считает приемлемым для себя, ни в коем случае не чрезмерным. Во время Петра это было тотальное военизированное подчинение всего общества государству. Форма подчинения – всеобщее крепостное право. Оно способствовало ускоренному развитию в условиях войны, но не в мирное время. **В мирное время государство должно стать слугой общества, в противном случае развитие останав-**

ливается или обращается вспять³. Что же произошло в постпетровской России?

* * *

После смерти Петра I дворянское сословие стремится к расширению прав, уменьшению обязанностей, устранению порядков, унижающих человеческое достоинство. Это стремление могло осуществляться или путем революционных демократических преобразований *для всех* – полного уничтожения крепостной зависимости всего населения от государства, о чем дворяне и не помышляли, или путем присвоения сословием политических, экономических, правовых и властных полномочий государства, государственной исполнительной и судебной власти.

В соответствии с духом *социального договора* до первой ревизии в 1719 г. права дворян на крестьян и их труд были ограничены. Помещики стремились расширить свою правоспособность и ограничить правоспособность крестьян и других слоев населения. Основные вехи процесса таковы.

С 1679 по 1731 гг. государство непосредственно собирало налоги со всего населения путем подворного обложения. В 1731 г. помещики получили право на сбор подушной подати со своих крестьян, то есть устранили прямую фискальную связь государства с основной частью населения.

В 1741 г. была разорвана символическая прямая политическая связь крестьян и власти: отменена присяга помещичьих крестьян на верность вступающему на престол государю.

С 1746 г. привилегия покупать крепостных закреплена за дворянами, другим сословиям покупка крепостных была запрещена.

В 1760 г. помещикам было разрешено ссылать крестьян в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов. Иными словами, государство передало часть своих функций по системе наказаний.

С 1761 г. помещики лишили крестьян экономической правоспособности: помещичьим крестьянам было запрещено выдавать векселя и вступать в поручительство.

³ В предыстории России прецедент перехода от порядков тоталитарного военного государства к нетоталитарным, обеспечивающим развитие, исследован мною на примере Золотой Орды (см.: Кульпин 2008).

С 1765 г. помещики получили право ссылать крестьян за проступки на каторжные работы.

Жалованная грамота дворянству 1785 г. закрепила за ним монопольное право владеть землей и крепостными.

Постепенно облегчались условия служения дворян государству, смягчались наказания за недобросовестное служение. В 1730 г. был отменен указ 1714 г. о единонаследии. В 1737 г. срок дворянской службы был сокращен с пожизненного до 25 лет, а дворянские недоросли освобождены от обязательного школьного обучения. Постепенно гуманизировалась система наказаний. В качестве важной вехи здесь можно выделить запрещение с 1757 г. вырывания ноздрей и клеймения женщин.

В целом преобразования были направлены на приватизацию прав государства одной социальной группой общества⁴. Логическим завершением процесса стала *Хартия вольностей дворянства* 1762 г. – освобождение дворян от обязательной службы государству.

«Хартия вольностей дворянства» 1762 г. означала освобождение дворян от обязательной службы государству при сохранении и даже ужесточении крепостной зависимости крестьян от помещиков. Если помещики больше не обязаны служить государству, но народ не освобождается от службы помещикам, то происходит разрушение *смысла* всеобщего служения – основы негласного социального договора. Ключевский пишет, что на следующий день после опубликования «Хартии вольностей...» должно было произойти освобождение крестьянства от крепостного права. Освобождение крестьянства означало бы ликвидацию старого негласного социального договора и необходимость заключения нового, в котором не общество должно служить государству, но государство – обществу. Освобождение, как пишет историк, произошло на следующий день, но фактически только через сто лет и вовсе не означало принципиальную смену социального договора и изменение системы ценностей. Об этом речь пойдет дальше. Сейчас же остановимся на феномене общественного бессознательного.

⁴ Образовавшаяся при этом государственная система имеет своим аналогом в европейской истории при всех отличиях, пожалуй, лишь Спарту в Древней Греции.

Несмотря на освобождение от службы государству, помещики на уровне собственного индивидуального сознания продолжали служить не столько по экономической необходимости, но прежде всего по моральному долгу. В отличие от дворян, выходцев из всех слоев населения России, для помещиков, кроме обнищавших, служба не являлась экономической основой существования. Иными словами, *не служба, а служение было их смыслом жизни*. Екатерина Великая вела непрерывные войны. И русский офицер в отличие от европейского всегда шел впереди солдат. Всегда, вплоть до Первой мировой войны, на которой погибло практически все русское кадровое офицерство. Наиболее тяжелый и страшный налог – налог «кровью», как говорили французы, русское дворянство и до, и после «Хартии вольностей...» платило неукоснительно. Несмотря на колоссальную гибель офицеров, никакого недостатка в русском офицерстве при Екатерине II и дальше не было.

Для понимания сути раскрепощения дворянства надо обратить внимание на то, что «Хартия вольностей дворянства» освободила каждого отдельно взятого дворянина от службы государству, но не освободила сословие. Более того, сделало службу государству условием существования не столько государства, сколько себя как привилегированного сословия в данном государстве. Таким образом, де-факто, поскольку *государство было приватизировано сословием*, то есть на уровне подсознания, а для некоторых и сознания, дворянство служило государству ради сохранения собственных корпоративных интересов. Моральным оправданием сословных привилегий для дворянства было его убеждение в том, что социальная функция сословия состоит не в службе, а именно в *служении* государству, отечеству.

* * *

После Петра I за срок смены трех демографических поколений дворяне – государственные служащие становятся не только профессионально, но и культурно ориентированными на Европу. Дворянство стремится европеизировать свой образ жизни, воспринять европейскую культуру, то есть совокупную систему общепринятых ценностей, убеждений и правил, ограничивающую область допустимого поведения в том или ином обществе. Этот процесс интенсифицируется в эпоху Екатерины Великой. Императрица сама была

представительницей европейской культуры, и ее деятельность во многом была просветительской. Как аргументированно пишет С. Г. Пушкирев, время Екатерины было временем зарождения русской интеллигенции. За весь XVIII в. в России было издано около 9500 книг, из них 85 % приходится на царствование Екатерины. Именно она ввела женское образование для дворянок: создала женские школы, ввела неформальную, но обязательную необходимость знаний, причем не технических, как для мужчин, а и гуманитарных.

Но, пожалуй, самое главное изменение в жизни дворянства в нашей стране произошло в результате Французской революции. Здесь нужно обратиться к специфике воспитания недорослей. Родители, кроме самых бедных дворян, как правило, не занимались воспитанием собственных детей. До 5 лет их опекали, а практически воспитывали няньки, затем дядьки из собственных крепостных крестьян, затем – гувернеры-иностранцы⁵. мода на гувернеров-иностранцев сложилась до Французской революции, но тогда уровень их знаний был не всегда высоким. Французские аристократы, которые были изгнаны революцией из Франции, расселились по всей Европе, значительная часть их осела в России. В Европе свободные вакантные места на государственной службе были ограничены. В России их тоже было мало. Но в России французских аристократов принимали в семьи как членов семей. При этом быть приживалками для них было невозможно по сознанию человека европейской культуры, европейской ментальности. В богатых и средних по достатку дворянских семьях они становились гувернерами и гувернантками, что в весьма специфическом процессе воспитания молодых русских дворян стало решающим фактором⁶.

⁵ Вспомним няню А. С. Пушкина и дядьку Петруши Гринева в «Капитанской дочке»: «В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки старшему Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали мне из Москвы с годовым запасом вина и прованского масла... Бопре в отечестве своем был парикмахером...» (Пушкин 1899: 91–92).

⁶ Как пишет Ф. Капра, ссылаясь на труд двух ведущих представителей когнитивной лингвистики Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Философия во плоти» (Lakoff, Johnson 1999), большинством первичных метафор мы овладеваем автоматически и бессознательно в раннем детстве, в дальнейшем же наше мышление, аккумулируя наши подсудные знания

Гувернеры сменяли или заменяли дядек и воспитывали недорослей до поступления в учебные заведения. По созданной в 1803 г. системе образования «приходское училище – уездное училище – губернское училище – гимназия – университет» можно было поступать сразу в университет, что делали дети, получившие хорошую домашнюю подготовку. Со времени не столько Екатерины Великой, сколько Александра I возникло новое поколение русских дворян, для которых французский язык стал родным. Русское дворянство стало не просто говорить и читать, оно стало думать, мыслить по-французски. Оно стало готовым, открытым для восприятия всей европейской культуры. В процессе воспитания, хотели они того или нет, понимали или нет, гувернеры-французы «прививали» своим воспитанникам культуру европейской цивилизации. И поскольку «прививка» осуществлялась с раннего детства, европейская культура воспринималась не столько сознанием, сколько подсознанием.

Если культурно русское дворянство все более европеизировалось, то претерпевала ли при этом изменения система основных ценностей?

В европейской системе ценностей главной является свободная личность, в российской, где главная ценность – это государство и служение ему, есть место неравенству людей вплоть до полного – в виде рабства. Все дворяне понимали, что крепостное право – позор России перед просвещенной Европой, но спокойно этот позор переносили, не пытаясь его ликвидировать. Как отмечал Ю. М. Лотман, образованный «человек эпохи Пушкина и Вяземского в своем бытовом поведении легко перемещался из области прозы в сферу поэзии и обратно. При этом подобно тому, как в литературе “считалась” только поэзия, прозаическая форма поведения как бы вычиталась при оценке человека, ее как бы не существовало» (Лотман 1994: 384, 109, 189). Лишь отдельные представители русского дворянства воспринимали европейскую систему ценностей как целостную систему жизненных установок. В подавляющем большинстве дворяне даже личную свободу, как подчеркивает Б. Н. Миронов,

и убеждения, по большей части бессознательно оперирует ими на уровне, недоступном обычному сознательному осмыслению (Капра 2004: 46, 84).

восприняли не по-европейски, а традиционно, как вольность (Миронов 1999, т. 1: 378), то есть как сословную привилегию.

Следует специально отметить факт закрепления земли за помещиками на правах *частной* собственности. До «Хартии вольностей...» понятия частной собственности в жизни общества не было, его заменяло понятие владения. **Понятие *собственность*, появившееся в середине XVIII в. в русском законодательстве, возникло не путем саморождения и саморазвития, а внеэкономическим присвоением государственной собственности.** В 1762 г. по «Хартии вольностей...» помещики получают в частную собственность землю и крестьян. **Осуществлялась первая массовая *приватизация* в России по тому же принципу, что в конце XX в.: кто чем распоряжается от имени государства, то и получает в частную собственность.** Но поскольку никаких традиций частной собственности не было, а владение государственной собственностью до того было временным и условным, то *процедура приватизации главного вида собственности* встретила не только ментальные, но и технические препятствия. С одной стороны, она не имела морального основания, а с другой – вылилась в сложное и длительное мероприятие – Генеральное межевание, призванное точно определить границы земельных владений отдельных лиц, общин, учреждений. Начатое в 1765 г. Генеральное межевание растягивается на полстолетия и завершается в начале XIX в.

Если говорить о *собственности* как о неотъемлемом элементе системы основных ценностей, то прежде всего нужно сказать, что ей в российской системе ценностей места не было: императив *всеобщего* служения и частная собственность несовместимы. Что-то должно было если не устранить, то подавить другое.

Казалось бы, введение в повседневную жизнь понятия собственности должно было стать пусковым механизмом изменения ментальности в сторону ее европеизации, ведь частная собственность, как мощный локомотив, должна была потянуть за собой остальные европейские ценности: свободу – политическую и экономическую независимость личности, императив права, когда закон «превыше короля», понятие эквивалента, прежде всего в экономической ипостаси рынка. Должна, но могла только при отсутствии блокирования со стороны традиционной системы ценностей.

Русский дворянин готов был служить, но не свободно продавать свой труд. Он был в этом смысле подобен древнему греку, для которого в порядке вещей была работа на себя, высоко престижно выполнение государственного заказа, но работать на другого гражданина своего города – позорно. У древнего грека работать не на себя мог раб или негражданин. По-европейски культурный русский дворянин не был готов воспринимать *всю* систему ценностей европейской цивилизации, не мог рассматривать не только труд как самоценность, как естественное условие жизни⁷, но и рыночные отношения как естественные, а частную собственность – как *следствие* продажи собственного труда на рынке. Точнее, мог, когда волею судеб был обречен жить в Европе, но не мог в России. В традиционной российской системе ценностей деятельность в связке производство – рынок считалась если не аморальной, то не слишком достойной человека образованного. А дальше, поскольку средства на статусное культурное состояние помещик не мог иметь за счет службы (за счет службы можно было иметь шинель Акакия Акакиевича) и не мог позволить себе за счет продажи своего труда на рынке, то оставалось только одно: иметь средства лишь за счет внеэкономической эксплуатации крестьян, лишив их политической и экономической свободы. Такова была проза жизни.

Как же мог русский помещик в этих условиях воспринимать дарованную ему собственность? Не как самоценность, а как награду за служение, не более чем как одну из многих *привилегий сословия за служение* государству.

Хотя дворянство не перешло на европейскую систему основных ценностей, это нисколько не мешало ему становиться европейцами культурно. На примере русского постпетровского дворянства видно, что культура и ментальность – не синонимы. Человек может быть поликультурен, к примеру, по культуре русским и французом, но как не может быть одновременно и мусульманином, и христианином, так не может и действовать на основании прямо или косвенно взаимоисключающих основных ценностей и оставаться при этом душевно здоровым. В сохранении системы ценностей, завершившей свое сложение при Петре, и несоответствии этой системы

⁷ Наиболее яркий литературный пример – Обломов из романа И. А. Гончарова.

системе ценностей европейской цивилизации мне видится традиционная русская особенность – думать одно, говорить другое, а делать третье. Такое возможно лишь при несовпадении культуры и ментальности, подмене одного понятия другим.

В постпетровской России общество разделилось, при этом разделение произошло не по социальному или конфессиональному этническому критерию, но по принадлежности к двум разным культурным системам. В одной системе оказывается государство и дворяне, в другой – все остальное население, платившее дань государству и живущее самостоятельно.

Крестьянин, лишенный возможности служить государству, обделенный собственностью, не только не желал работать, уважать чужую собственность, он в принципе не мог согласиться на такое изменение народной жизни. Восстание Пугачева (1773–1775 гг.) – народный ответ на односторонний разрыв дворянством социального договора. Во главе восстания не случайно оказались казаки. Казачество – единственная социальная страта общества, для которой главными ценностями были не государство, служение, порядок, иерархия, госрегулирование, *а личность, свобода, равенство и солидарность*. Но боролся Пугачев не за эти ценности, а за ценности петровской России. Его окружают «офицеры», «генералы» и «фельдмаршал» – новые «правильные» слуги государевы. Чтобы стать офицером у Пугачева, нужно убить десять дворян – «неправильных» слуг государевых.

На первый взгляд, парадоксально, что ответ народа идет от имени псевдоцаря. Но восстановление социального договора по логике взаимного служения – функция царя. Пугачев – якобы чудесно спасшийся Петр III, который вне подозрений в нарушении договора, и его задача – наказать помещиков. **На уровне сознания восставших – ликвидировать не дворян как социальную группу, выполняющую свою роль согласно социальному договору, но то дворянство, то есть тех слуг государевых, которые превысили свои функции, противоправно приватизировали государство.** Цель восстания – на месте узурпаторов создать новый госаппарат. На уровне общественного бессознательного восстание имело целью восстановление общественного договора, единства общественного организма, его жизнеспособности, потенции к развитию.

Если бы социальный организм был подобен биологическому, то есть такой системе, которая, будучи созданной, уже не может жить иначе чем как единое целое, то мы должны были бы сделать следующие выводы, которые в целом соответствовали бы традиционной историографии. Поражение народного восстания не привело к социальному согласию. «Болезнь» социального организма не была излечена. А как ее можно излечить? Негласный социальный договор – один из элементов системы основных ценностей, где все элементы органично связаны между собой. Следовательно, деформации должны были подвергнуться и остальные. Напомним, что при Петре I дворяне были призваны нести бремя главной ответственности за преобразования, то есть за выполнение ценности *развития*, той ценности, ради которой общество добровольно лишило себя возможности самоорганизации, то есть права принятия решений «снизу», того права, которое способствует возвышению ценности *личности*. Для этого государству (царю) и был дан карт-бланш на управление, на право принятия решений «сверху» и на беспощадное подавление инакомыслия, что Петр и осуществлял, не делая исключения даже для собственного сына.

Высокая эффективность государственного аппарата в петровское время была обусловлена его открытостью для всех слоев населения и выражалась в открытости дворянства как социального слоя для входа и выхода. При Петре (как никогда прежде и после) дворянин был выходцем из всех социальных страт. Это было одной из важнейших причин успешности петровских преобразований, преобразований *всего* общества в специфических условиях войны. Все общество в мирное время должно было развиваться иначе, чем в военное. Дворянство – модернизирующее сословие – должно было соответствовать исторической миссии как качественно (иметь цель трансформировать систему ценностей), так и количественно. Соответствие количественное для выполнения ценности-вектора *развития* требует сохранения *открытого доступа* в дворянство и его роста, соответствие качественное – перехода дворян, не выдерживающих испытания бременем ответственности, в другие социальные слои. После Петра переход дворян в другие социальные слои стал явлением исключительным, а количественный прирост дво-

рянства – ограниченным⁸. В совокупности перемены шаг за шагом способствовали превращению дворян в привилегированное и (по сравнению с петровским временем) закрытое сословие⁹. И то и другое было нарушением негласного социального договора о всеобщем и прямом служении государству и отходом от достигнутого при Петре социального консенсуса – системы основных ценностей. Не что иное, как доступность образования для *всех* слоев населения, создавало возможность *служения* для *всех* сословий. Чиновничество и в постпетровское время формировалось из всех слоев населения и было при этом самым верноподданым государству социальным слоем (Миронов 1999, т. 2: 208), но в отличие от петровского времени трудность получения образования для низших слоев населения препятствовала эффективной *ротации госаппарата* на основе *меритократии*.

Итак, сохранение доступности образования для всех слоев населения и открытость дворянского сословия на вход и выход были ключом к сохранению единства общества на основе согласия относительно основных ценностей. Однако при жизни Петра I не уда-

⁸ Исключение наблюдалось лишь однажды. «Увеличение числа дворян в 1782–1795 гг. на 508 тыс., – отмечает Б. Н. Миронов, – произошло вследствие инкорпорации в состав России украинских и белорусских земель после раздела Польши, где дворян было больше, чем во всех великороссийских губерниях вместе взятых» (Миронов 1999, т. 1: 130).

⁹ За четверть века петровских реформ численность дворянства возросла вдвое. Следующее удвоение произошло через сто лет (Там же, т. 2: 208). Несмотря на медленный количественный рост, дворянство в течение века было в состоянии управлять государством за счет непрерывного качественного обновления. Как пишет Б. Н. Миронов, «оно пополнялось наиболее способными и энергичными представителями духовенства, купечества, мещанства и крестьянства, которые, к тому же, были в высшей степени лояльными к существующему режиму, так как он дал им возможность войти в состав самого привилегированного сословия. Дворянство интенсивно получало свежую кровь и через браки с представителями других сословий, что усиливало его интеллектуальный и, так сказать, энергетический потенциал. ...В дворянство переходили только те представители других сословий, которые в предшествующий переходу в дворянство период своей жизни получали образование, профессию, делали карьеру на государственной службе, приобретали мировоззрение и привычки, свойственные дворянству. Это означало, что они «одворянивались» прежде, чем получали статус дворянина. Данное обстоятельство вместе с ростом требований к служебному положению, дававшему право на дворянство, приводило к тому, что перемещения в дворянство из других сословий не нарушали, а, наоборот, способствовали формированию дворянской субкультуры, сословных традиций, понятий чести, манеры поведения, ментальности. Ибо никто так не был щепетил в отношении соблюдения чистоты дворянской субкультуры, как новые дворяне» (Там же, т. 1: 146).

лось создать *защитные механизмы* самосохранения, самовоспроизводства созданной им системы¹⁰. Отсутствие защитных механизмов обусловило процессы, способствующие деградации системы в целом. Дворянство стало не просто нарушителем социального договора, своей борьбой за сословные права и привилегии оно отделило себя от народа, резко ограничив для него возможность профессиональной мобильности, что в сословном обществе означало ограничение социальной мобильности¹¹.

Если предположить, что социальный организм подобен биологическому, то обозначенную ситуацию можно классифицировать как болезнь, которая перешла в фазу хронического недомогания, чреватого структурными и функциональными изменениями, какие происходят в больном организме в отличие от здорового. Путь излечения «подсказывали» непрерывные после восстания Пугачева и вплоть до освобождения от крепостного права локальные волнения крестьян и непрерывно растущие слухи среди них о царском указе об освобождении от крепостного права, указе, якобы скрываемом от крестьян помещиками. Но социальный организм, как мы видим, не подобен биологическому. И если исходить из того, что «ДНК» социального организма – это целостная система основных ценностей, то следует признать, что *произошел разрыв единой социальной ткани, и на месте одного образовалось два социальных организма: один – дворянский, другой – крепостных крестьян*. Оба – в жидком «бульоне» маргинальных социальных слоев, тяготеющих к одному из двух «организмов». В этом разрыве важно установить, произошло ли изменение ДНК, и если произошло, то в чем оно заключалось.

В настоящее время уже не является дискуSSIONным тот факт, что в постпетровской России образовались два мира, две системы,

¹⁰ Здесь мы видим проявление принципиальных различий между социальными и биологическими организмами, что означает более значимую роль того, что по аналогии с биологическими организмами можно назвать РНК, и необходимость исследования аналога РНК в общественных организмах.

¹¹ В Китае, где социальная мобильность была следствием профессионального роста чиновника, в любой деревне односельчане стремились дать образование, необходимое для получения должности чиновника, хотя бы одному из своих крестьян, и на этом стоял социальный договор традиционного китайского общества.

две социальные структуры с разными правилами поведения, которые самовоспроизводились и ужесточались в этом самовоспроизводстве, две социальные сети, порождающие различный обобществленный корпус знаний и представлений, две разные коммуникационные системы, формировавшие разный уклад жизни. Все это ведь можно объединить одним обобщением: возникновением двух культур, что ныне признано за общее место. В этой ситуации необходимо лишь попытаться выделить самые общие, главные черты, характеризующие каждую из систем, и выяснить, обязательно ли ментальное размежевание является следствием культурного. Это тем более необходимо, поскольку два социальных организма жили в одной стране, в одно время, в одном вмещающем ландшафте, были гомогенно перемешаны, но находились не в симбиозе, а в антагонистических отношениях. Неслучайно «с точки зрения крестьянина, обмануть соседа или родственника – аморально, а обмануть в интересах крестьян чиновника или барина – нравственный поступок» (Миронов 1999, т. 1: 440).

Противостояние систем нашло свое выражение в двух основных видах: коллективном экономическом и индивидуальном психологическом. О первом противостоянии речь пойдет ниже, а индикатор второго, на наш взгляд, в том, что *практически на каждого* помещика хотя бы раз в его жизни напали крестьяне. Об этом пишет Б. Н. Миронов (Там же: 406), ссылаясь на Н. С. Волконского (Волконский 1898: 42) и А. Романовича-Славатинского (Романович-Славатинский 1870: 367–368).

Крепостное крестьянство, лишенное собственности на землю, политической свободы и экономической правомочности, утратив ранее надежды на экстенсивное развитие, лишилось и возможности интенсивного развития, той возможности, которую открывали для всех слоев общества петровские реформы. Снижение урожайности и рождаемости – два самых ярких показателя жизни крепостного крестьянства в течение XVI – первой половины XIX в. Дворянство отделило народ от одной из двух главных ценностей – *развития*, лишило перспектив улучшения уровня и качества жизни, оставив возможность, как на Востоке, замены ценности развития ценностью *стабильности*. Крепостное крестьянство, лишенное стимулов развития, было поставлено перед необходимостью элементарного

выживания «здесь и теперь» в узких локальных мирках и одновременно было спровоцировано на «забастовку по правилам» и вытекающую из нее низкую производительность труда.

Еще раз обратимся к фактам, приводимым Б. Н. Мироновым. «Крестьяне, – пишет ученый, – работали ровно столько, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности... Подтверждение этому мы находим в большом числе праздников и вообще нерабочих дней в деревне в течение XVIII – начала XX в. В 1850-е гг. в канун отмены крепостного права общее число нерабочих дней в году доходило до 230, в начале XX в. – до 258, в том числе общее количество воскресных и праздничных дней – соответственно до 95 и 123... Обычай запрещал начинать полевую работу раньше других, но разрешал быть последним» (Миронов 1999, т. 1: 401). «Русские крепостные крестьяне... интенсивно работали только в периоды посева, покоса и жатвы. В остальное время продолжительность и интенсивность труда были ниже по сравнению со свободными западноевропейскими фермерами и с крепостными крестьянами в странах Восточной Европы... Крепостной мужчина работал примерно в 2,6 раза меньше, чем раб в США, и в 2,3 раза меньше, чем рабыня» (Там же: 400). «Труд, в понятиях крестьян, должен быть умеренным (“Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи”). Крестьяне искренне верили, что работать в воскресенье и церковные праздники грешно и бессмысленно» (Там же: 329). «Крестьяне, пытавшиеся работать в воскресенье и праздники, наказывались: их штрафовали, а нередко избивали и ломали их инвентарь. Низшая сельская администрация и община действовали в таких случаях солидарно» (Там же: 402). В праздник крестьянин никому не подчинялся, никого не боялся – это была зона, недоступная для помещика и властей. Такое было отношение к труду, которое, как мода, распространялось от крепостных на всех крестьян.

Искать иные причины низкой производительности труда русского крестьянина в природно-климатических условиях России (это, кстати, в отличие от многих российских историков для Б. Н. Миронова несвойственно), природной лени и исконной любви к выпивке можно было бы, если бы не предыдущая история. В отличие от XVIII–XIX вв. в XVI в. простой русский народ не был подвержен ни массовым празднествам, ни пьянству. Такой автори-

тетный и объективный свидетель, как Сигизмунд Герберштейн, писал: «Знатные люди чтят праздники тем, что после обедни бражничают и надевают пышную одежду; простой народ, слуги и рабы большею частью работают, говоря, что праздновать и пользоваться досугом – дело господ. Горожане и ремесленники бывают у обедни, а после нее возвращаются к работе, думая, что честнее заниматься трудом, чем попусту терять достаток и время в пьянстве, игре и подобных вещах» (Россия XVI века... 2003: 194). В то же время иностранцы отмечают для XVI–XVII вв. у дворян в противоположность простым людям беспробудное пьянство (см.: Россия XVI в. ... 2003)¹².

В системе основных ценностей крепостного крестьянства ценность-объект – *государство*, персонифицированное в царе, осталась главной. Все надежды на улучшение жизни, прежде всего на освобождение от крепостного права, крестьяне связывали с царем. По принципу фрактальности (самоподобия) в деревне восторжествовало всевластие главы большой семьи – «большака». Остальные ценности *обыденной* жизни стали напоминать дальневосточную систему. Государственное регулирование было замещено самоорганизацией. Неизменный порядок, ритуал и семейная иерархия поддерживались самой крестьянской общиной. Система *обыденных* ценностей крестьянства представляется следующей. Ценность-объект – государство, ценность-вектор – стабильность, далее – мир, порядок, традиции, иерархия, ритуал, общинная самоорганизация. Иными словами, в обыденной жизни деревня вернулась не просто к допетровскому времени, но ко времени до средневекового социально-экологического кризиса и до утверждения ценности всеобщего *служения*, дискредитированного постпетровскими реформами.

В такой ситуации неизбежен вопрос: можно ли ставить знак равенства между сиюминутными идеалами обыденной жизни, обусловленными ситуацией элементарного выживания, и императивами

¹² О генезисе пьянства в России написана монография Ю. Э. Кульпиной, которая, надеюсь, скоро будет опубликована. О пьянстве на Руси есть интересная работа А. Л. Афанасьева, который прямо связывает насаждение пьянства сверху как источника пополнения казны со становлением самодержавия, с началом процесса в 1552 г. (Афанасьев 1997: 85–93).

общественного бессознательного? Если бы имело место такое соответствие, то слухи об освобождении от крепостного права, доходя до каждого крестьянина, не прокатывались бы периодически по стране со скоростью, не уступающей скорости государственных депеш. Крестьяне связывали свои надежды со справедливым царем, с государством, которые установят правильный порядок с патерналистским и меритократическим управлением, социальной мобильностью, обеспечат возможность развития не только для дворян, но и крестьян.

Два мира, две системы в одной стране, в одном времени и вмещающем ландшафте, соприкасающихся, но автономных, объективно создавали взрывоопасную гремучую смесь, которая могла быть ликвидирована только действием единой системы общепринятых ценностей, убеждений и правил, ограничивающей область допустимого поведения, что является правилом для любого общества. Единство обычно поддерживается законами, то есть общими правилами. Этих общих правил у двух миров не было. С реальностью отсутствия общих правил всегда были вынуждены считаться в России (видоизмененная ситуация сохраняется до сих пор). «Верхи» стали жить по формальному, «низы» – по обычному праву. В Европе обычное право постепенно заменилось формальным. В России этого не произошло.

Со времени не столько Екатерины Великой, сколько Александра I возникла проблема и осознание того, что народ-то другой! И на высшем слое лежит обязанность воссоздания культурного единства всего российского общества, то есть *служения* уже не только и не столько государству, то есть в конечном счете – себе, но – народу. Реализовалось это понимание разрыва социальной ткани общества лишь после осознания очевидного отставания от Европы и потенциальной угрозы потери государственной независимости, выявившейся в ходе позорной Крымской войны. Переходом от осознания к действиям стали реформы шестидесятых годов XIX в. В сфере сознания это была попытка привить *всей* России европейскую культуру в полном объеме, но в области общественного бессознательного это означало нечто другое, а именно: выбор системы основных ценностей, переход всего общества на европейскую или реставрация традиционной системы ценностей.

Литература

Афанасьев, А. Л. 1997. Иван Прыжов: история пьянства и трезвости в России. *Общественные науки и современность* 3: 85–93.

Волконский, Н. С. 1898. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. *Русское богатство* 4. Рязань.

История Японии. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999.

Капра, Ф. 2004. *Скрытые связи* / пер. с англ. М.: Изд. дом «София».

Кульпин, Э. С. 2008. *Золотая Орда: судьбы поколений*. М.: Инсан.

Лотман, Ю. М. 1994. *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX века)*. СПб.: Искусство-СПб.

Миронов, Б. Н. 1999. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т.* СПб.: Изд-во Д. Буланина.

Пушкарев, С. Г. 1991. *Обзор русской истории*. М.: Наука.

Пушкин, А. С. 1899. *Избранные сочинения*. Т. 2. СПб.

Романович-Славатинский, А. 1870. *Дворянство в России от начала XVIII столетия до отмены крепостного права*. СПб.

Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / пер. с англ. Н. Белозёрской, Ю. Готье. Смоленск: Русич, 2003.

Lakoff, G., Johnson, M. 1999. *Philosophy in the Flesh*. N. Y.: Basic Books.